

Патриотизм —
религия
бешеных

Оскар Уайльд

Екатерина
РЫСЬ

РЕЛИГИЯ БЕШЕНЫХ

**РЕВОЛЮЦИЯ
ИЛИ СМЕРТЬ**

Полный курс выживания
на чужой необъявленной
ВОЙНЕ



Екатерина Рысь

Религия бешеных

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Рысь Е.

Религия бешеных / Е. Рысь — «Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-07860-5

2004 год. Молодая журналистка, член Русского национального единства, приезжает в Москву с единственной целью – казнить одного знаменитого национал-большевика, члена партии Эдуарда Лимонова. Таким неудачным оказалось их знакомство за полгода до этого, сразу после освобождения нацбола из тюрьмы, в штабе Национал-большевистской партии – Бункере. За приставленный к горлу нож с человека требовалось спросить... Но вместо убийства журналистка влюбляется в нацбола. И становится его тенью...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-227-07860-5

© Рысь Е., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Вместо предисловия	6
Поролоновый топор, или от журналистской всеядности – до политической голодовки	6
На тропе «провокации»	6
Секта, рвущаяся к власти	8
На революцию приглашения не требуется	8
Остров свободы	9
Вечный кайф	10
Ересь	11
Топор из поролонa	13
Заранее обреченные на полный провал	13
Как погреться на пожаре	14
Формула любви	14
Перезагрузка	15
Фикция	16
Часть первая	21
Глава 1	21
Тонко, изящно и жестоко	21
Цель	22
Глава 2	24
lasciate ogni speranza	24
Прогулки по краю	25
Хаос	25
Мы убили в себе государство	26
Романтики с большой дороги	27
Холокост наоборот	27
Бархатный терроризм	28
Сводки с фронтов	29
Фронт – там	30
Глава 3	32
«Братцы, черви...»	32
Мой фюрер	33
Всадники Апокалипсиса	34
Первый ангел	35
Смешное слово	37
Тебя пока еще не режут...	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Екатерина Рысь

Религия бешеных

Героям моего романа:

Эдуарду Лимонову

Алексею Голубовичу

Сергею Соловью

Анатолию Тишину

Максиму Громову

Юрию Староверову

Кириллу Ананьеву

Патриотизм – религия бешеных.

Оскар Уайльд

Россия – страна самураев,

Путь каждого русского – смерть.

Сергей Соловей

Честь – это не звание, не погоны и не регалии. ЧЕСТЬ, согласно толковому словарю, есть внутреннее достоинство человека.

Максим Громов

Пройду как рысь от Альп и до Онеги

Тропой партизанских автострад.

Александр Башлачев

Всё – реклама, кроме некролога.

Народное изречение

Нам нужна одна большая грязная провокация...

Сид Вишес

Что с тобой случилось? Почему ты стала такой?

Х/ф «Девушка с татуировкой дракона»

Я использую людей для своих книг. Пусть мир будет бдительнее.

Х/ф «Основной инстинкт»

Писать надо так, чтобы за это посадили либо убили.

Сергей Соловей

Читай и плачь.

Х/ф «Девушка с татуировкой дракона»

© Рысь Е., 2018

© «Центрполиграф», 2018

Вместо предисловия

Поролоновый топор, или от журналистской всеядности – до политической голодовки

На тропе «провокации»

«Все, что вы видите вокруг, совсем не то, чем кажется»... Фильм «Рекрут» с этой фразой Роберта Де Ниро я посмотрела уже под конец своей долгой журналистской аферы, целиком прошедшей именно под таким лозунгом. Совсем не тем, кем казалась, была я для людей, чья жизнь на несколько лет стала и моей жизнью. Не единомышленником...

Вот вы не знаете, а ведь над провинциальной коммунистической прессой можно плакать. Летом 2005 года я окончательно вернулась из Москвы в Саров – кажется, специально для того, чтобы прочесть о себе в местной КП-газете. В июльском номере под рубрикой «У кого нам учиться» вышла статья «Саровская рысь выходит на тропу революции». Ну все, вот она, слава... Спалили. Оказалось, из газеты «Завтра» (№ 22, июнь) автору стало известно, что в голодовке за освобождение политзаключенных, организованной в мае в штабе НБП в Москве, умудрилась поучаствовать... саровская журналистка. Я...

«Кто бы мог подумать, что с виду вполне лояльные... журналистки... способны на протестную политическую голодовку!»

Тихонько всхлипывая и утирая слезу, я чувствовала себя чудовищем, отнявшим у ребенка конфету. Создал же Господь придурка! Как жестоко автор купился на мою страшную «провокацию», коей и было мое долгое погружение в чужую политическую борьбу. А участие в громкой «акции» стало необходимым финальным восклицательным знаком, логично завершающим историю моего внедрения. Мне же надо о чем-то писать... (Заметьте, через сколько лет я наконец-то «что-то написала». Хочется ведь иногда впасть в ностальгию по безвозвратно ушедшему недавнему прошлому. «Срок годности» тех событий давно благополучно истек. Теперь это просто красивая страшная сказка... Ага, исторический роман. «Три мушкетера»...)

А конец аферы вышел достойным.

1 мая 2005 года в штабе Национал-большевистской партии Лимонова началась голодовка в защиту политзаключенных. Были выдвинуты требования прекратить уголовные дела против всех сорока семи нацболов, находящихся в тюрьмах и лагерях РФ, а также признать для НБ-узников статус политических заключенных. Такое количество эка образовалось в партии после двух громких акций протеста. 2 августа 2004 года был захвачен Минздрав. Протестовали против отмены льгот. Сели семь человек. На 2,5–3 года...

14 декабря 2004 года нацболы вторглись в приемную администрации президента. И озвучили свои претензии к существующему порядку вещей. Сели сорок человек. Суд над ними начался только в июле 2005 года. Судьба их представлялась незавидной...

12 мая к голодовке в защиту «политических» присоединилась я...

Я давно знакома с нацболами. Но вряд ли когда-нибудь до конца их пойму. Вряд ли даже этого захочу. Их культ неистовой революции с глубинным разрушением системы и всех жизненных устоев... Мне такая «матрица» непонятна. Может быть, я просто не знаю чего-то такого, что знают они. Может быть, уже давно пора на баррикады... Они бьются с режимом. Я же цепляюсь к таким мелочам, как... идеологические разногласия. Точно, значит, еще не

припекло... И я не представляю себя швыряющей в кого-то майонез или штурмующей здание. Даже просто кричащей на улице лозунги – не представляю. Не мой стиль. Как же тогда я оказалась участником их голодовки?

О причинах войны помнят до первого выстрела. А дальше – только защищают своих близких. В причинах моей войны не было ни грана политики. Просто у меня в Бутырке сидел друг. Какой же черт понес его 14 декабря в приемную администрации президента? И если зимой нацбольская борьба была еще довольно абстрактна: они просто «озвучили свои претензии к существующему порядку вещей», – то уже весной... Весной их борьба конкретизировалась. Теперь они бились за свободу тех своих людей, кого сами же посадили чуть раньше... Кого-то отправляют на смерть. Кого-то сажают... Кстати, очень удобно. Всегда есть повод для нового витка борьбы и новых акций протеста.

Вот и я боролась – за одного этого конкретного человека. А как иначе? Он-то мне помогал...

Секта, рвущаяся к власти

Террор – не средство. Цель – сам террор!..

На революцию приглашения не требуется

Вторая моя любимая фраза: «Кто-нибудь еще хочет спросить, почему я НЕ вступаю в НБП?...»

...Люди идут на войну. А я отправилась на... революцию. Свое появление в Бункере на 2-й Фрунзенской – святая святых скандальной Национал-большевистской партии Лимонова – я приурочила к самому разгару предвыборной кампании в Госдуму. Выборы должны были состояться 7 декабря 2003 года.

Я приехала инкогнито: покрутиться, посмотреть, – в те недели туда стекалось множество персонажей. И в их исполнении кампания сразу превращалась в антивыборную. Их задача была «фарс лжевыборов» сорвать. И вот нацболы вкалывали как проклятые на ниве экстремизма...

Справка

Нацболы давно сеяли ветер. И уже начали пожинать бурю. Их урожай: в 2007 году партию вообще запретили. До этого лихие сюжеты о НБП часто мелькали на телеэкранах. То политиков забрасывают яйцами и майонезом: и Вешнякова, и Касьянова, и Грызлова. Всех уже не упомнишь! То приковываются наручниками в выставочном зале аж самого Кремля, то к воротам на Красной площади, то на балконе германского торгпредства или на крыше российского Министерства юстиции. По-альпинистски свеситься с антиправительственным плакатом из окна гостиницы «Россия» – сам Бог велел... То запираются на смотровых площадках башен – в Севастополе и Риге. Пытаются заступиться за притесняемых русских. И огребают за «терроризм» большие сроки...

Не успевают пенсионеры осознать, что их кинули с льготами, а нацболы уже обрушивают свой гнев на Минздрав и попросту захватывают кабинет Зурабова в августе 2004 года. А потом в декабре вторгаются в приемную администрации президента и «просят» его как-то смягчить, что ли, участь вверенного ему народа...

Их-то собственную участь, похоже, никто не смягчит. Потому что дальше любителям новостей телевизор рассказывает о бесконечных судебных заседаниях и присужденных тюремных сроках.

Вспомнили? Это не те русские экстремисты, которые убивают в подворотнях. Это те, которые пытаются защитить нищих стариков от бесчеловечных экспериментов властей. Чувствуете разницу? Во время всех «ужасных» нацбольских беспорядков не лилась кровь. Разве что их собственная. А их ведь уже убивают...

В логово вот этих радикалов я однажды без зазрения совести и просочилась. На революцию приглашения не требуется. Пришла – и осталась. В те дни перед выборами в бункер съезжался народ со всей страны. Многие из тех, с кем мы варились тогда в одном котле, благополучно сели. НЕ сесть – было сложнее. Но у меня была другая задача: посмотреть – и вернуться...

Посмотрела... Я честно жила в сюрреалистичном бункере-подвале, вскакивала в пять утра – и отправлялась вместе с тремя десятками оборванцев на мороз клеить запрещенные листовки: «Гражданин! Не ходи на выборы!» Муравей революции... Меня арестовывали,

закрывали в ментовке. «Бункер-ские бомжи» ржали: Рысь в милицию ходит, как на работу! Ну да, каждый день...

Свидетелем захвата Минюста в начале декабря 2003 года я оказалась случайно. Куда идем, не объяснялось. Подходим – а наши уже на крыше особняка за забором развернули транспаранты и скандируют лозунги. «Мы вас научим конституцию любить!» Далеко слышать. Класс... Это уже были солдаты революции. С крыши их всех снимали. Устроив погоню и свалку, кубарем прокатившись по мостовой, похватили и людей, глазающих вниз. Я смотрела остолбенев. На моих глазах «конкретное винтилово» происходило впервые. Это зрелище отрезвляет. Где-то в свалке растоптали мои розовые очки. Как будто это не их растоптали в 93-м... Почему меня не повязали, я не знаю. Ну да, я не висла на заборе... Девятнадцать арестованных хохотали в камерах: «Гражданин начальник, еще одной не хватает!»

Я честно шла одним с ними «поприщем». Ломало меня при этом страшно. «Мыши плакали, но жрали кактус...» Я честно огребала НЕ ЗА СВОЕ!

Я отказывалась понимать, куда они идут...

Остров свободы

Бункер... Совершенно перевернутый мир... Подвал, провозгласивший себя вершиной мира... Единственное, что облагораживает человека, – стремление к идеалу. Здесь же – территория, свободная от такой «ерунды». Здесь, наоборот, пытаются нивелировать весь остальной мир до своего уровня. Который очень невысок... На мир смотрят с усмешкой: мы его не устраиваем? А мы тогда его разрушим... Здесь живут по принципу: не можешь вписаться в эту жизнь – начерти свою систему координат. А себя сделай точкой отсчета. Тебе велик костюм мироздания? Перекрой его под себя, смело по-обрезав все лишнее. Тогда автоматически сможешь весь остальной мир заклеить последними словами, а себя провозгласить пупом земли. Да хоть самим Богом...

Все равно Его нет. Ты отменил Его, сидя в подвале на кухне и хлебая быстрорастворимые макароны из бомжпакета. «Слава партии!» Это выдыхают вместо обязательной молитвы. Хором – и поодиночке. Каждый – в сердце своем... Твой старший товарищ знает только один тост: «За вождя...» У тебя мудрые руководители, это те же люди, что в свое время создавали сверхъестественно успешные секты... Здесь партия – твой бог, а «Слава партии!» – твоя священная молитва. За твоей спиной – кирпичная стена с намалеванной на ней квинтэссенцией нацбolsкого стиля: «Все заслуги перед партией аннулируются в полночь!» Ты – кирпич в этой стене...

И ты встаешь задолго до рассвета – и в цепочке других таких же черных муравьев опять крадешься во враждебный внешний мир, чтобы попытаться подточить его устои. Где-то под ногтем чудовищного монстра – государства – снова трепыхнется молчаливое и упрямое жалкое «дитя подземелья». Вспыхнет как спичка. Сгорит за секунду. В пожаре революции... Жертвенность здесь катастрофическая. Противоестественная. От тебя давно уже никто не слышит философских рассуждений о революции. Ты просто встаешь – и идешь. На мороз, в темень, в ежесекундную удушающую опасность. На запрограммированный провал. Вообще ничего не требуя взамен. Ах да. Бомжпакет. Ты съедаешь его молча. Те, кто философствует, не встают в пять утра. Ты же – просто кирпич в стене...

Это не моя фраза. Одного старого нацбола...

Зимой 2004 года события приняли трагичный оборот, и Бункер начал осаждать ОМОН. Запершиеся внутри нацболы вдруг поняли, глядя на зарешеченные подвальные окна, в которые щедрыми клубами врывал с улицы слезоточивый газ: «Весь остальной мир – уже за решеткой. Здесь – последний островок свободы». 5 марта 2004 года Остров свободы на 2-й Фрунзенской неизбежно пал...

Надо ли говорить, что я успела выскользнуть из этой мышеловки буквально накануне начала осады?..

Вечный кайф

Все уже усвоили: национал-большевик – уличный боец, непримиримый борец с режимом, с системой, с репрессивной и антинародной политикой властей. Занятый революционным творчеством. То есть не сидящий дома с книгами про Че Гевару, а творящий революцию на гребне событий по велению момента и души. «Да здравствует НБП творческая, борющаяся, находящаяся в конфликте с властью. Участвующая с народом в его волнениях и страданиях». На этом фоне полсотни нацбольских эзков преподносились руководством партии не как трагедия, что логично для нормальных людей, а как достижение, а это уже одержимость на грани невменяемости: «НБП совершила больше подвигов, чем какая-либо другая партия. Недаром у нас 47 человек сидят в тюрьмах».

«А конфронтация с властью желательна, ибо за пять лет Кремль доказал, что не хочет делиться с народом ни свободами, ни богатствами страны. Нужен последний и решительный бой, его-то мы и добиваемся». Эдуард Лимонов в 2005 году делал ставку на коалицию со всеми оппозиционными партиями против Кремля...

Национал-большевизм изначально – попытка скрестить ужа и ежа. Традицию и революцию. Селекцией еще в Гражданскую войну занялся некто Устрялов – «примиритель, смирившийся с тем, что революция произошла, и занявшийся обоснованием ее легитимности». Он пытался примирить и породнить большевизм с Россией и всей ее предыдущей жизнью, втащить в оголтелую революцию багаж русских традиций. Двубортную «Традицию и революцию» предложил один современный философ Эдуарду Лимонову в качестве оболочки для нового партийного движения. «Левые», социальные, идеи прочно увязали с «правыми», национальными, родословную партии можно было проследить из любой точки в русской истории. Революция произрастала из традиции... Широкая получилась идеология, игрушка-трансформер. Трактуй как хочешь. Как будто и вовсе нет ее... Исповедуй что хочешь. И сам будь кем хочешь, от коммуниста до фашиста. Контингент – слишком яркая творческая молодежь, которой тесно в обыденности и страшно одиноко в холоде реальности. И просто страшно. Это даже не Ноев ковчег, где каждой твари по паре, а Вавилон...

Программа партии... Эдуард Лимонов открытым текстом писал, что сочиняли ее для отмазки. Что программа – это газета «Лимонка» за все десять лет существования. То есть ее просто нет? А под какие тогда знамена к ним приходят люди, если никто и не собирался им рассказывать об истинных устремлениях партии? Уму непостижимо...

В книгах Лимонова про «другую Россию» – торжество юношеского максимализма с полным отрицанием уклада жизни предыдущих поколений. Точнее, это он, сидя в тюрьме, придумал, что понятный подросткам юношеский максимализм должен выглядеть как-то так... И то сказать, «подросток Савенко» на брюхе прополз через самые мрачные задворки жизни, сумел дожить до возраста зрелости – и на досуге развил на бумаге свою давнюю мечту об уничтожении этих самых задворков. Это должно было быть глубинное разрушение Системы, выкорчевывание корней старого косного мира: это и чиновничий беспредел, и протухшая религия, и удушьящая семья... А как же традиция? Революционная риторика в устах моих новых приятелей – опять с обязательным сокрушением существующей системы, – мне она оказалась набором звуков, которые отказывались складываться в удобоваримые слова. Их культ неистовой революции с разрушением всех жизненных устоев... Мне в такой «матрице» непонятно. Может быть, я просто не знаю чего-то такого, что знают они. Может быть, уже давно пора на баррикады... Они бьются с режимом. Я же цепляюсь к таким мелочам, как идеологические разногласия. Точно, значит, еще не припекло...

В сознании жителя ядерного центра разрушение – дело одного нажатия на кнопку. «Нулевое чтение», подготовительный этап. Я все надеялась услышать главное: а что взамен? Строить-то что будем? В своих книгах Лимонов рисовал фантастично-абстрактную формацию, где вся власть отдана молодым. Такая же заведомая пропагандистская ложь, как «квартира каждой советской семье». Здесь: «квартира каждому подростку». Превозносился тип человека с шилами во всех местах – антисистемного героя. Разрушение. Вот его он и будет созидать. Революция должна была стать перманентной, как в глупом анекдоте про «вечный кайф». «Террор – не средство. Цель – сам террор!» Короче, бред, рассчитанный на привлечение в партию буйных подростков, для которых мир возник из небытия 15 лет назад. В людях сознательно обрубили даже зачатки корней, уводили прочь от традиции. Главное – непрестанно расшатывать Систему.

Самообман. Они повязаны с этой властью. Они никогда не свергнут власть, потому что дальше им свергать станет некого...

Тактика партии приводила меня в ужас. Громкие акции с забрасыванием неугодных политических деятелей майонезом, с захватом госучреждений... Их участники всеми силами напрашивались на то, чтобы их схватили, избили, посадили. В этом – высший героизм. Такие жертвы – ради чего? А, ну да, партии нужна реклама. Партия демонстративно протестует против социальной несправедливости. Партия рвется во власть...

Ересь

Любая власть – от Бога. Кроме той, которая с Богом борется. Разрушение противно нормальной человеческой природе...

Я смотрела на это все и понимала: изобретение в России каких-то новых мертворожденных идеологий и «схем движения» – преступление. Потому что у нас уже все есть. А всякие новые придумки – это попытки сбить людей с пути, увести в сторону от настоящей русской традиции. От Бога... «Русь – подножие Престола Господня...» Ложь запутана и многословна. Правда – проста. Эта партия – прибежище для тех несчастных, кто не знает единственного нужного слова: «Бог».

Рыба точно гниет с головы. Это Лимонов отменил Бога: «А какой смысл совершать революцию, если ее цель – только захватить министерские посты, вульгарные кабинеты. Мы должны будем сменить все. И придумать себе Нового Бога, возможно, какой-нибудь тунгусский метеорит или железную планету в холоде Космоса. Нашим Богом будет тот, кто даровал нам смерть. Может, нашим Богом будет Смерть...» («Другая Россия») Они к православному лезут с этой ересью? И правительства, и Бога свергают единственно с целью занять их место... Эй, а традиция?!

И ведь многие меня, наверное, даже не поймут. «О чем ты? Революция в опасности!»

Идея о «божественном» предназначении России – всего лишь одна из возможных жизненных схем. Не лучше и не хуже других. Но лично меня эта схема наполняет радостью и дает силы. А знали бы вы, сколько отчаяния и тоски наблюдала я у нацболов. Их жизнь – обреченная на провал борьба. Их бог – Смерть. Их участь – пустота еще при жизни. Есть отчего впасть в отчаяние...

Мы съели вместе немалое количество соли. Именно здесь я узнала значение слова «товарищ». Лишения и опасность отшлифовали человеческие отношения в Бункере до кристальной чистоты. Но не вся эта публика так прекрасна. С двумя «старыми» нацболами у меня дошло до поножовщины. Не сошлись во взглядах. У господ большевиков женщина оказалась приравнена к животному. Мне так и сказали. Они не учли, что я-то – не их бункерская нацболка. И напоролась на... Русского Человека. А как общаться с *людьми, созданными по образу и подобию*, они не знают. Другой опыт. Они слишком долго варились в котле НБП...

– В чем идеология НБП? – спросила я одного «старика», буквально из первой десятки основателей.

– Идеологии никакой. Это секта, рвущаяся к власти любыми путями. Только движется она какими-то дикими, необъяснимыми скачками, которые не ведут никуда...

Но таких посвященных – единицы. Для своих собственных рядовых членов НБП – революционная антисистемная партия, бьющаяся за социальную справедливость. Эти ребята на полном серьезе самоотверженно жертвовали собой ради нашего с вами благополучия. Вы это поймите. В тюрьмах гнили дети, которые – единственные! – попытались заступиться за наших стариков, когда у них отобрали льготы. Ребята – герои. Их жалко...

Топор из поролона

Фикция вместо функции...

Заранее обреченные на полный провал

«Семь сорок». В начале 2005 года эта фраза считалась в Бункере-2 на Вернадского верхом остроумия. Ровно столько нацболов сидело в Москве по тюрьмам. С каждым месяцем их заключения все сложнее было думать, что сидят они не за политику. Само по себе их вторжение в офис не стоило бы брошенного яйца. Если бы не требование отставки президента. А так это расценивалось уже как попытка захвата власти... Вообще же эти акции как будто преследовали единственную цель: как можно бестолковой посадить как можно больше народа. Ни за что. За «политику»...

В апреле 2005 года невероятная сила нацболовского притяжения снова приволокла меня в Москву, в Бункер. Оказалось, «семеро» и кое-кто из «сорока» зачем-то объявили в Бутырке голодовку. И если на бумаге они требовали соблюдения Конституции и прав человека на территории РФ, прекращения репрессий по политическим мотивам, закрытия лагеря смерти «Белый Лебедь» в Соликамске, всеобщей амнистии, присвоения им самим статуса политзаключенных, то на деле могли добиться разве что улучшения условий содержания. Накануне этапирования? Бессмысленно. И голодовка быстро захлебнулась. Ее ловко и технично загасили...

Но на воле ее решили поддержать, потребовать «свободу политзаключенным»... Интересная технология. Те, кто теперь сидел, на своих акциях выдвигали еще весьма абстрактные требования, они просто озвучили свои претензии существующему порядку. Теперь же они бились за свободу тех людей, кого сами же посадили тогда... Кстати, очень удобно. Всегда есть повод для нового витка борьбы и новых акций протеста...

«Будешь участвовать в голодовке?» – чуть не с порога спросили меня. Я на такие провокации реагирую четко: «А вы?» «Нет» звучало с интонацией: «Нет, конечно!» А я тут при чем? У вас в партии 18 тысяч человек. И вы тащите на свое сугубо корпоративное мероприятие какую-то левую тетку? Знаете, что это значит? Весь свой дееспособный контингент вы уже пересажали. Остальные не подходят даже на роль овощей...

Хотя изначальных людей-художников в партии уже давно заменили на людей-винтиков. «У нас не принято отказываться...» – в упор косились на такую несознательную меня. Вышедшие в тираж «старики» злобно развивали по углам теорию про одержимых и невменяемых, наполняющих теперь ряды партии. Человек, которому я верю, как-то обмолвился, что в партию приходят люди и говорят: пошлите меня на дело, за которое меня посадят... Кто-нибудь еще хочет спросить, почему я не вступаю в НБП?.. «Что они здесь ищут? – ужасался он уже руководящему звену. – Мразь – она же хитрая. Для чего им партия? Лимонов – тот, может быть, отхватит себе местечко в комитете «Выборы-2008». А эти-то что себе урвут?..»

Четверых «смертников» все же нашли. Три парня и девочка. Все не москвичи... Первого мая голодающие окопались в Бункере. Мне на это было плевать. Я в тот момент уже ничего не видела вокруг...

Слишком дорогой мне человек, конечно, из партии, с которым так тяжело расстались полгода назад... Его в апреле в Москве сбила машина. Я в ужасе примчалась к нему в больницу – и так там и осталась. Он стал еще неизмеримо дороже... Его мучения выматывали душу. Но в настоящее отчаяние вгоняло то, что я знала: он выходит из больницы – и мы опять расстаемся. И после этой катастрофы я себя уже не соберу. Мне необходимо переломать свои бессмысленные чувства – и успеть уйти первой.

И я, кажется, знаю, как выжечь память о нем. Знаю, куда можно уйти, устроить себе добровольное заключение. Соскочить...

Голодовка, похоже, была изначально обречена. Об этом полупшепотом поведал мне один из видных НБ-деятелей, куратор акции, бывший патологоанатом Анатолий. Руководство партии не обеспечило акции необходимый общественный резонанс, не забрасывало высокие инстанции яростными ультиматумами. У руководства вообще был медовый месяц с актрисой из «КГБ в смокинге». КПД от медленного самосожжения ребят равнялся нулю...

Как погреться на пожаре

Но я вдруг поняла, как можно погреться на этом пожаре. Заключением этим не поможешь. Но можно помочь себе...

Я выдвину свой ультиматум. Одному-единственному человеку. Да, *ему*... Я упаду на эту чертову голодовку – и только он один сможет меня остановить. Обездвиженному калеке без сиделки плохо. Буду нужна – позовет. А нет...

А если нет, то очень скоро мне станет вообще не до него. И невыносимая память о нем растает в мутном тяжелом мареве полуобморока. Господи, неужели возможно такое счастье? Все, решено...

А уж как здоровье поправлю. Голод – единственное, что дает мне ощущение полета. Первый раз, что ли?

И еще. Господа большевики почему-то решили, что могут так запросто потребовать от меня на блюде мою жизнь. Хорошо, они получают идеально упакованный... кукиш. Мне-то они сделают рекламу. А что мне остается, мне же надо хоть в чем-то поучаствовать, чтобы было о чем написать... Это будет восхитительно грязная самореклама. И я честно заработаю свое право писать про них «гадости»: «Я тут за вас, помнится, жизнью рисковала...»

Формула любви

А еще... Можешь – значит, должен.

...Я не собиралась участвовать в первомайской демонстрации в Москве. Просто подошла посмотреть на построение колонны. Мне было по пути. Я бежала в больницу. Только там и надо проводить Светлое Христово Воскресение – два праздника вот так нехорошо совпали в 2005 году. Даже храм отступает. Здесь ты можешь обратиться к Нему напрямую, дотронуться до руки, подать воды. «Я был болен, и вы посетили Меня... Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне». Мой «Бог» очень осязаемо материализовался тогда в безумца с переломанной ногой, первую неделю после аварии проводшего в диком бреде. Мое место было рядом с ним...

Тугая колонна полыхнула десятками флагов, начали раздавать портреты полсотни политэзков, чтобы пронести по городу это буквальное олицетворение своей политической борьбы. И когда самый первый портрет поплыл над головами... мое сердце рухнуло на камни. Мой приятель Юрий Викторович из Нижнего Новгорода спокойно и просто смотрел на меня сверху с портрета, вдребезги ломая своим немыслимым появлением здесь матрицу моего недавнего равнодушия. Откуда он здесь?! Один только раз после декабрьского захвата приемной у меня кольнуло сердце – и я кинулась штудировать списки заключенных. Нет, друзей в нем вроде бы не было. И вдруг – Юра. Боже мой... Столько времени общаться с человеком – и не знать его фамилии! Потом глянула в списки еще раз. Методом исключения получился «Юрий Викторович С...». Вот и познакомились...

Нижегородский гений, исключительно достойный парень, умница-студент, музыкант. Он ведь не состоял в партии. Но партия черным роем вилась вокруг него... Раз в несколько меся-

цев я почти без предупреждения безапелляционно обрушивалась на практически постороннего человека, появляясь на пороге его квартиры. В гости приезжала. И попадала домой. Где уже обитали дикие орды таких же НБ-проходимцев. Свой последний на тот момент день рождения я отмечала в жутком одиночестве на хате у того же Юры. Жестоко отгрызая куски от здорового леща, хамски добытого в хозяйском холодильнике... Юрий Викторович... Как же так? Как беззаботно все начиналось – и как стремительно и жестоко оборвалось...

День летел за днем, а у меня все не шел из головы взгляд моего друга, обращенный на меня сквозь флаги над толпой. И я поняла, что больше так не могу. Неужели я просто развернусь и уйду – и оставлю этот взгляд без ответа? Да не бывать этому. Я могу позволить себе роскошь хоть немного побыть человеком. Плевать, по каким причинам этот парень сел. О причинах войны помнят до первого выстрела. А дальше – просто защищают своих близких... Я заступлюсь за друга. Сделаю, что могу. Можешь – значит, должен... И когда мы встретимся с Юрой снова, мне будет не стыдно посмотреть ему в глаза. И нагло дожрать жирного леща из опустошенного нацболами холодильника. Что-то уж очень золотой оказалась для нас эта рыбка...

Странно, но накануне того, как это все завертелось, я почему-то вспомнила графа Калиостро с его «Формулой любви»: «В любви главное – возможность не раздумывая отдать свою жизнь за другого. Интересно попробовать...»

Перезагрузка

12 мая я объявила сухую голодовку. Чтоб наверняка.

«Наверняка» настало незамедлительно. Полуобморок. И невыносимо холодно. И ни единой мысли о НЕМ! Как отрезало. Получилось. Вот она, пошла перезагрузка...

Я четыре дня не пила ни глотка. «Только он один сможет меня остановить...» Потом ночью стащила у «сокамерников» семь литров «Ессентуков» – и еще три сухих дня. Патанатом Анатолий уже подступал ко мне с лопатой: «Ты что! Еще чуть-чуть – и кома!» Его паника передалась и мне. Дикие эксперименты я соблаговолила прекратить. Тут-то Анатолий Сергеевич и рассказал:

– Руководство сегодня заявило: надо, чтобы на голодовке кто-нибудь обязательно склеил ласты. А я говорю: не следите вы за тем, что происходит в Бункере. Я только вчера кандидата в покойники реанимировал!

Я только сглотнула. Ни хрена себе разнарядочки! «Организуйте мне полсотни эков, один труп. Для успешной PR-кампании...»

Ту первую неделю я в мучительном забытии уплывала в какие-то мутные призрачные дали. Меня уже почти не было. Была одна темнота. «Рысь, подай мне признак жизни...» Шевелиться было пыткой. «Отче наш...» Это единственное, чем я спасалась, просыпаясь среди ночи от колотящего озноба. Стоило начать читать молитву – и меня обдавало жаркой волной. И наконец-то отступал могильный холод...

Потом я стала нормально пить воду – и превратилась в чертика из табакерки. Мгновенно последовала вспышка энергии. Обновленный организм ликовал. Кровь стремительно понеслась по жилам, сердце готово было выскочить из груди. Обычно у меня низкое давление. Было. Больше этого нет. Это я себе поправила. На халяву. На момент окончания голодовки я весила 44 килограмма. Чувствовала себя вдвое моложе своих надвигающихся тридцати. Я никогда в жизни не была такой восхитительно молодой. Блеск...

И я вдруг поняла, что начала по-другому смотреть на все. Просто только теперь стала видеть. И замечать то, что раньше было скрыто от глаз. Я вся превратилась в зрение, я чувствовала мир вокруг даже кожей. Я как будто алчно заглянула жизни за подкладку. И обнаружила там массу прорех. И не преминула этим воспользоваться. Мы каждый день гуляли под при-

смотром «товарищей». Стащить на прогулке с прилавка книжку, а потом по мелочи «обнести» весь рынок у метро – я проделывала это вдохновенно и виртуозно. Лаки для ногтей, кремы, носки, белье, очки, косынки... Я победно притаскивала в Бункер с прогулки ворох трофеев. Заставляя «сокамерников» тихо обалдевать. Обычно на волне голодного прозрения я пишу стихи. А тут вдруг разыгралась чудовищная клептомания. Охотничий инстинкт...

Когда наша бригада «коматозников» выползала на свет Божий, люди от нас шарахались, принимая за сектантов. Вид был уже совершенно потусторонний. Я придумала нам название и лозунг:

«Добровольно-принудительная суицидально-оздоровительная организованная преступная группировка «ГЛАД – ВТОРОЙ ВСАДНИК АПОКАЛИПСИСА». Лечим булимию анорексией...»

Не так уж весело там было. Под конец мне уже казалось, что по углам нашей комнаты сгущается мрак и висят черные лохмотья кошмара...

Фикция

Голодовка тем временем зашла в тупик. Эффекта – ноль. «Надо спасти положение. Нужно провести громкую акцию, например, приковаться к воротам на Красной площади...» – подсунул мне записку один «невменяемый». Вслух такое не обсуждалось. Был вежливо послан: «В посадочных акциях не участвую». Как Вицин в фильме: «Статья 213, «хулиганство», от двух до пяти... Не пойдет!» Я нажаловалась охраннику руководства. Тот – руководству. Оказалось, эта идея была – абсолютная самостоятельность. Наверху ее не одобрили. Но черные тучи раздумий, как же спасти провальную голодовку, сгущались над нашими головами. Я понимала: надо валить отсюда, пока меня не посадили рядом с теми, кого мы пытаемся выволочить из тюрьмы. Только это они и умеют. Сажать...

Кровь разогналась – и сосуды не выдержали. На двенадцатый день голодовки меня шарахнул гипертонический криз. Голова раскалывалась от страшной боли, я была в беспамятстве, наконец-то вызвали «скорую». Все как заказывали, почти труп. Но совесть моя была кристально чиста, все внутри ликовало от удачно завершенной аферы. С голодовки я технично соскочила. Но в нее снова включилась тюрьма. На этот раз женская, Печатники... Потом был еще митинг возле Музея революции, куда я конечно же нагло вперлась:

– Это не кого-то там закрыли. Это нас с вами закрыли. Это не ребята сидят в тюрьме. Это мы все сидим. Пока у нас вот таким нелепым образом сажают людей, никто из нас не сможет быть свободным. Пока между нами и нашими близкими тюремная решетка, мы все за этой решеткой...

А ведь к воротам на Красной площади мои голодные подельники тогда, в конце мая, все-таки приковались. «Свободу политзаключенным!» Ничего, не сели... Голодовка длилась месяц. Мне до сих пор неловко спросить о ее результатах.

Активисты антифашистского движения «Наши» – наши-сты – к тому времени уже всюю отлавливали нацболов на улицах и даже нападали на Бункер. Кого-то избили, парня из Арзамаса пырнули ножом... Через сутки после моего выхода из голодовки Анатолий – я уважала его ровно до этого момента – вдруг наконец сообразил, что надо мне «хоть розочку подарить». Я про себя фразу продолжила: раз уж я, отработанный материал, жива осталась... Я сказала: не возьму. Он все равно пошел за цветами – и вернулся с проломленной головой. Я же говорила: не надо...

Один нацбол-оппозиционер, пытавшийся бороться с генеральной линией партии, сказал мне в самом конце этой моей эпопеи:

– Я понял, что такое постмодернизм. Это фикция вместо функции. Топор из поролона. Так вот НБП и все ее акции с захватами, приковываниями – это фикция. Поролоновый топор...

– А как надо?

– Я не знаю...

Ничего. Есть те, кто знает...

В середине июня у НБП опять отобрали помещение. Пока шел штурм, парни, наши парни, залили все внутри своей кровью... Я опять успела исчезнуть из Бункера раньше. Я неизменно ходила в этом их – нашем! – перевернутом мире, как по дну расступившегося океана, и волны с грохотом смыкались за моей спиной...

В конце июня партию запретили. (В 2007 году запретили окончательно. «Всё – реклама, кроме некролога». – Е. Р. 2013 г.) Нацболы обещали ужесточить борьбу. Революция в опасности...

Любую политическую партию допускают до власти. Кроме той, которая с властью борется... Они мечутся как в потемках. Но мой друг, сидя в тюрьме, наверняка говорил себе: «Я сделал что мог». И по-своему он прав.

«Задача действия в мире трагическая, – писал идеолог ев-разийства Петр Савицкий, – ибо «мир во зле лежит»... Никакая цель не оправдывает средства. И грех всегда остается грехом. Но, действуя в мире, нельзя его утрашить. И бывают случаи, когда нужно брать на себя его бремя, ибо бездейственная «святость» была бы большим грехом...»

Вот этот грех за собой признаю... На самом деле здесь нельзя доверять ни одному моему слову. Потому что я честно говорю: в тот момент я так и не поняла, свидетелем чего оказалась. И почему я любила этих людей... Ясность наступила гораздо позже...

Екатерина Рысь

* * *

«Родился, посадили, расстреляли...» О любом из нас скоро напишут примерно так. И даже если родное государство проявит халатность и кто-то останется не охвачен всевидящим оком – конец все равно один. Труба. Так стоит ли в промежутке между ним и появлением на свет создавать обстоятельства, способные круто повлиять на длину и качество этого промежутка? Всю жизнь мы работаем на свой некролог. И так получается, что История гораздо больше любит тех, чей путь отмечен печатями совсем иного свойства, нежели виза в паспорте при поездке на отдых...

Но казенной хронологии я – пока – предпочту обратную сторону медали. То, что не вписывается в те три основных этапа.

Люди для меня важнее событий. Любой мировой катаклизм я всегда буду пытаться преломить через призму судьбы отдельного человека. Внешним проявлениям этой судьбы я предпочту внутреннюю логику поступков... *Какие бы исторические события ни послужили фоном, на переднем плане все равно окажется любовный роман.* Так больнее – и вернее. Люди не должны жить ради событий и идей. Человек важнее. Людьми нельзя жертвовать во имя идей и событий.

Но История начинается только там, где ей под ноги ложится человек. Идеи – это то, что делает человека Человеком. А еще бывают люди, которые сами впрягаются в оглобли Истории. Теперь я точно знаю, что бывают.

...Почему самых живых находишь в опасной близости от смерти? И почему, если хочешь проследить путь ЖИВОГО, надо отправиться с ним на Голгофу? И что это за крест такой по жизни – идти в тени чужого креста? И кем чувствовать себя, однажды осознав, что пора

сворачивать с этого – не твоего – пути? А потом только стоять в одиночестве и смотреть, как удаляются спины тех, кто был рядом с тобой *и кого ты любил*. И, опуская глаза, зная, что там, впереди, их пожрет Минотавр, имя которому...

Одно из имен – революция. Теперь для меня это очень тяжелое слово...

...И что делать с собой, если однажды ты плюнешь на все – и рванешь за удаляющимися спинами? Только бы успеть! И предпочтешь свою глупую любовь здравому смыслу...

Москва, май 2005 г.

Руководству НБП

Заявление

Я, ... Екатерина Александровна, 1975 г. р., присоединяюсь к голодовке в защиту заключенных национал-большевиков. Поддерживаю все выдвигаемые требования.

С 23.00 11.05.2005 года я начинаю сухую голодовку.

11.05.2005 Подпись (неразборчиво).

...Знал ли кто-нибудь, что в ту ночь дикое заявление на смерть за столом в полутемном Бункере писала лютая воля к жизни? «...Начинаю сухую голодовку...» Древний инстинкт, первобытный ящер, живущий внутри, принял единственно правильное решение откусить себе мозг. Рептилия отрубала от себя человека, как будто отбрасывала хвост. Дух казнил это тело, чтобы оно не мешало дышать. Тело подписывало себе приговор...

Это был ультиматум. Одному человеку. Ему...

* * *

Москва, декабрь 2003 года

– ТОВАРИЩИ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИКИ!!!

Голос грохочущим товарняком обрушивается в обморочный сон и оглушительно взрывается в мозгу. Комок сердца в ужасе шарахается к горлу, эхо искрящимся рикошетом мечется по черепной коробке.

О не-ет...

– ПЯТЬ ЧАСОВ. ПРОСЫПАЙТЕСЬ. ПОДНИМАЙТЕСЬ КЛЕИТЬ ЛИСТОВКИ.

.....ть!!!

Я знаю, что страшнее второго пришествия. Это День сурка. День сурка по рецепту ортодоксального национал-большевизма. Еженощный предутренний кошмар, сокрушительное де-жавю с появлением в слепящем дверном проеме неистово-черного силуэта Романа Попкова, главного в Москве по левым экстремистам. «*Первый Ангел вострубил...*» Думаю, в те недели перед выборами в Госдуму в декабре 2003-го поднятые среди ночи *товарищи нацболы* могли бы дать примерно одинаковые ответы на вопрос, как выглядит национал-большевистская Смерть... Как жуткий высоченный черный силуэт в слепящем дверном проеме...

...*Господа проходимцы, займемся проходимством...* Я просыпаюсь мгновенно, так же мгновенно вспоминая в темноте, где я. И кто. Ха-ха. Лазутчик, блин... Тонкая игла восторга от опасности сладко поддевает нервы. Адреналин – замена счастью... Кругом черный мрак, я неосязаемой тенью соскальзываю с низкого топчана, в Бункере берцы с незавязанными шнурками автоматически превращаются в домашние тапки. Зацепив в крошечной тьме чей-то брошенный сапог, прохожу строго наугад и осторожно прикрываю за собой разодранную желез-

ную дверь. Где-то там, в душной подвальной темноте, люди еще спят. Это больше похоже на обморок. *«Але, реанимация? Вася еще жив? – Еще нет...»* Первое осознанное, что я сделала в Бункере, – смазала маслом оружие петли в «сто первой» и получила бесценную возможность передвигаться бесшумно. Лазутчик жизни – это тот, кто смог проникнуть в стан врага – и вернуться... Половина лампочек в коридоре непривычно не горит – ночной режим. Коридор каземата с трубами по стенам кажется поэтому особенно длинным. Яркий свет только там, далеко, в приемной. За столом под часами никого нет...

Мутная лампочка в нише над раковиной, за стеной в туалете грохочет вода, мужским движением вверх до локтя – черный рукав. Пригоршня холодной воды – на лицо. Взгляд в обшарпанное зеркало – жестко, в упор. Без становящегося привычным тоскливого утреннего страха «женщины под тридцать». Взгляд проваливается в собственные глаза. Два сквозных отверстия в обглоданном черепе, два пролома в черноту... Я каждый раз вздрагиваю, выхватив взглядом свое отражение в зеркале. Протвиеестественно длинное и тонкое, затянутое в черный шелк и кожу. Помада. Просто потому, что *леди я или не леди?* С таким лицом не надо краситься. Возраст скатился уже до отметки «19». Я догнала себя до восхитительно невесомого состояния плети: черную кожаную жилу почти не видно, один свист. Вашу Машу... Спортивно-оздоровительная база отдыха «Освенцим», арбайт махт фрай...

...Сопение за спиной. *О нет!* Вчерашний «хомячок-тюфячок», глазки на щечках, как я ненавижу эту сытую породу. Он еще, похоже, не ложился, приехал в Бункер потусоваться. Гложет глазками мою спину. А мне сейчас – на мороз. Революция – тяжелая рутинная работа. Я таких хомячков еще в детстве отлюбила.

...*Да что ты будешь...* И в зеркале вместо моего собственного лица – его рожа. Взгляд такой, что лучше удавиться самой. *Твою мать! Может женщина хотя бы минуту побыть одн...*

– Рысь, ты что, бреешься?

Сразу убить?..

– Мужчина... – в воздухе раздается отчетливое клацанье зубов. – МОЖНО Я УМО-ЮСЬ?!

Щечки дергаются вместе с глазками.

– За «мужчину» ответишь...

Пять часов утра. Зима. До выборов – неделя. Листовок – море. Люди уже фактически мертвы. Тишина. Темнота. Мир висит на волоске.

И мой дикий хохот.

В черном зеркале из-за моего плеча озадаченно выплывает размытое мертвенно-белое лицо «НБ-Смерти» – Романа.

– Рысь, я с тебя тащусь... ты «истинный ариец»...

В этот момент Штирлиц как никогда был близок к провалу...

* * *

Весна 2004 года

...*Найду – и убью.*

Это просто.

Это гораздо проще, чем можно себе представить. Надо только найти. А в остальном... Я уже срослась с его смертью, она пропитала меня насквозь, она почти заменила мне кровь. Она тяжело оттягивает мне руки. Она прольется с моих пальцев, как скопившаяся на листьях дождевая вода. Его смерть илифует меня, как нож. Его смерть войдет в него, как уже вошла в меня...

Такая мелочь, как честь... Не тебе, гнида, поднимать на нее руку. Я пригвозжусь тебя к твоей смерти, я подарю себе это наслаждение. Никогда в жизни я ничего так не желала. Ты даже не поймешь за что. И меня меньше всего заботит, чтобы ты что-то понял. Наказывать тебя, что-то объяснять? Зачем? Просто найду – и убью. Как бешеную собаку.

Ты даже не поймешь. Кто бы сомневался. В этом-то все и дело. Мы не сошлись во взглядах на такую мелочь, как человеческая честь и жизнь. Так вот я утверждаю, что честь – дороже жизни. Особенно твоей. Для тебя норма – то, что пытался сделать со мной ты? Не обессудь. Для меня норма – то, что сделаю с тобой я.

Найду – и убью.

Кто-нибудь еще хочет спросить, почему я не вступаю в НБП?

Часть первая

Тропой партизанских автострад

*Мы хльнем в бездонную ночь городов свежим ядом,
Мы – новая боль раз за разом терзаемых стен,
Наш смех раздробит стекла сна обжигаящим
градом,
Любовь прoderет до костей тромбы каменных
вен...*

Глава 1

Основной инстинкт мертвеца

*Основной инстинкт – это инстинкт убийцы. Самое сильное, самое
восхитительное чувство...*

Тонко, изящно и жестоко

Что вы сделаете, когда вас убьют?
Я – вступила в РНЕ...

...Я не собиралась ничего писать. Я просто уже не умела. Были блистательные времена, когда я цинично буквально не делала шага, если он не *подпадал под статью*. Газетную публикацию, которую я могла продать. Души препарировались отточенными движениями скальпеля, вместо шариковой ручки тонко, изящно и жестоко сжатого в пальцах.

Я остро чувствую чужую патологию. Работа такая – ни на что не вестись, с ходу разоблачать любые попытки утащить меня в сторону, навязать свою картину мира.

Это сначала учишься подвергать все сомнению. Следующая стадия – ты перестаешь сомневаться. Все неправильное отмечаешь сразу. К чистому – припадаешь и пьешь. И знаешь все помимо слов. Любые слова сыплются мимо. Нет, я могу очень внимательно впитывать всякую ересь. Лучше от этого никому не станет. Я кормлюсь тем, что выискиваю такие болячки – и расковыриваю их. Норма сама по себе – глубоко клинический случай, а отклонения от нормы – да журналисту только о них и приходится писать...

...А потом как выйдешь «в чисто поле», как взвоешь: Господи, дай мне нормальных! Нормальных людей дай! Да потому, что нельзя постоянно метаться в навозе, лавируя по минным грядкам. Нельзя круглосуточно работать Штирлицем и только высматривать, не смея засветиться. Нельзя бродить последним носителем земного разума среди инопланетян. Хочется к своим. Своих людей хочется! И плевать, что, наверное, все равно сомнительная получается картина. Мол, там, где меня перестают раздражать несоответствия и все кажется «ровным», просто заканчивается чужое безумие – и начинается мое. Черта с два. Себе я верю абсолютно. На том стою.

...Я совершенно точно знала, чем я занимаюсь по жизни. Я продавала чужие души. «Я про тебя уже написала...» Это звучало как приговор.

Крайняя степень удивления. Вот какое чувство вызвал у меня фильм «Основной инстинкт». Когда я однажды наконец-то его посмотрела.

Нет сомнений, он тянет на диссертацию по судебной психиатрии. Тем пикантнее, что во всех своих программных заявлениях героиня – писательница-убийца – изъяснялась *моими* словами! Она обожала монстров в человеческом облике и писала только об убийцах. Она выманивала из человека зверя, заставляя притаившуюся внутри черноту с треском проламываться наружу. Вот и задумаешься, так ли полезно «свободное течение духа»... У не ограниченных препонами инстинктов хриплое зловонное дыхание и звериный оскал. Своему-то зверю она давно позволила торжествовать в полной свободе.

Основной инстинкт – это инстинкт убийцы. Самое сильное, самое восхитительное чувство. Сколько свободы, сколько власти в том, кто принял себя, принял зверя внутри себя – и полюбил его. Это жизнь уже совершенно иного качества, жизнь избранного. Ради нее кому-то из неизбранных... да, придется умереть.

...Мне уже было знакомо фантастическое чувство, что жизнь непоправимо вторична по отношению к тому, как ты преобразуешь ее на бумаге, что настоящая жизнь – только та, что выходит из-под твоего пера. И если твоя история требует какую-то деталь, ты пойдешь и создашь эту деталь. Чтобы потом ее описать...

Цель

Вся моя жизнь была расчерчена.

Впрочем, эту жизнь мне давно сломали...

Когда летом 2003-го меня *слегка убили* (да что там, любовник прирезал, надо же хоть раз назвать вещи своими именами), я кое-как выползла, и стало ясно: это действительно рубеж. Внутри – пустота, впереди – пустота. Мир рухнул в одночасье. Все, что я знала о нем, *аннулировалось в полночь*. В предраассветный час июньской ночи. Прекрасное время для того, чтобы тебя убили...

Мне нужна новая причина жить. Чтобы двигаться дальше, мне надо ходить новыми путями.

Только цель даст смысл – и право на действия. Значит, мне нужна цель, способная заслонить собой все.

Я и прежде не пыталась сделать вид, что...

Я и прежде не пыталась сделать вид, что нарисовалась в этой жизни просто так.

Всегда казалось, мне нужна слишком веская причина, чтобы оправдать свое присутствие здесь. Первое детское ощущение: я не понимала тех, кто пользовался жизнью по праву. За собой я не чувствовала вообще никакого права. «Незаконнорожденная». Я родилась с чувством, что я в этой жизни – вне закона...

Может быть, я просто умудрилась дойти до последней инстанции в элементарных поисках отца?

«Отче наш...» Значение этих слов стало огромно. Просто это был единственный «отче»... И это стала единственная реальность. Мир вокруг отдалился, образовалась прослойка холодного безмолвия между мной и им...

...Странная все-таки получается молитва. Только прошепчешь: «Ничего ведь не прошу. Дай исполнить Твою волю. Но... помоги...» И уже не отведешь взгляд от лица...

А дальше – ощущение, что вцепилась в солнце на небе – и с силой тянешь к себе его луч. И тогда как будто спица вонзается в позвоночник – и понимаешь: все, понеслось.

Дрожь, озноб – по плечам, по спине...

И вот теперь, *убитая*, обездвиженная, в полубреду, я как заклинание упрямо гоняла в мозгу слова молитвы. Чувство, будто уперлась лбом в кирпичную стену и стараюсь ее сдвинуть. А я просто пыталась ввинтиться обратно внутрь плоской декорации под названием жизнь...

...Это похоже на погружение в черную воду: все глубже, все дальше... И это похоже на холод. Это и есть холод. Холод – и стрела из льда, устремленная строго вверх.

Состояние охотника. Состояние зверя. Состояние, в котором непостижимым образом знаешь о жизни уже абсолютно все. В этом состоянии лучше всего убивать.

Я не знаю ничего страшнее молитвы. Я не знаю ничего страшнее человека, лишенного сомнений...

«Только цель даст смысл – и право на действия. Значит, мне нужна цель, способная заслонить собой все...»

Никто и не думал искать цель среди людей. Не люди придумывают такие цели... Они только способны увидеть такую цель и пойти путями, неумолимо ведущими в небо. Желание лютой веры – вот что гнало сквозь жизнь.

Мне надо к СВОИМ. Кто-то здесь не мог не увидеть того же, что и я. Мне нужны единоверцы. А целью все равно останется Цель...

...Вот так опасно надолго оставлять человека одного. Наедине с самим собой, со своими мыслями, со своим бредом – и со своей молитвой...

Это мне только казалось, что я пробивалась к живым. Вокруг меня теперь был мир мертвых. И мне был нужен мой индеец Никто, мой проводник по миру мертвых – прямо как в фильме «Мертвец».

Он и увел меня в свой мир.

Надо быть осторожнее в своих желаниях.

Глава 2

На революцию приглашения Не требуется

Кто-то думал, что просто живет, там, где ты искал смерти...

lasciate ogni speranza

...Что-то слишком много вокруг безмятежно простреливаемого пространства...

Морозная сухая осень в Москве – счастье, которое в эти дни всегда с тобой. Терпкий острый воздух – это и вкус, и вдох, и заново обретаемое ощущение режущего, горького счастья. Длинные ряды лип романтического тихого сквера были бы чудесны в любой другой ситуации.

Только не в нашей.

На левой стороне прозрачного сквера – здоровый банк, камеры наблюдения наверняка нацелены точно на дом с адресом «2-я Фрунзенская, 7». Палево, что я могу сказать. За спиной – Комсомольский проспект, впереди, в конце короткой улицы – уже набережная и река. В середине улицы справа – забор и огромный куб балетной школы, мертвый, как саркофаг. Но если в центре Москвы на здании висит именно такая табличка, значит, содержание соответствует названию, и какая-то захудалая жизнь на этом Марсе все-таки есть. Но наружу она не прорывается ни одной живой душой. Учреждение очень закрытого типа...

Но в нашей ситуации нас интересует только то, что по периметру, – забор. Какие-то дворы на коротком промежутке от проспекта до набережной все-таки есть, но влево-вправо от 2-й Фрунзенской уходить – все равно что прятаться в водопроводной трубе. Что я могу сказать, путей отхода никаких. Всех, кто посыплется из подвала, просто стой и расстреливай под липами, как в чистом поле.

Но это уже лирическое отступление...

А где же обещанный подвал?

Повернув за угол, я недоуменно пошарила глазами по стене, а мой приятель-проводник Женя уже со знанием дела направился к... Нам сюда, что ли? Похоже, здесь меня заставят-таки забыть о подиуме и научат внимательно рассматривать землю у себя под ногами...

Да уж, воистину: «...не суйся в нашу щелочку и странное отверстие...» Непосвященные люди наверняка всегда норовили проскочить мимо, никак не ассоциируя эту неприметную лазейку со входом в обиталище людей. Казалось, она больше всего годится для того, чтобы, нечаянно попав ногой в провал в асфальте у стены, ненароком оступиться, загрохотать вниз – и там застрять...

Узкий лаз к полуподвальной двери длиной в восемь крутых ступенек больше подошел бы для собаки. Взрослому человеку, зажатому между стеной и парпетом, здесь было уже не развернуться... Случись что, какая здесь будет давка... А многим было бы и вовсе запаadlo даже пытаться развернуться. Эта лисья нора никак не котировалась в качестве входа в офис.

Разве что в офис № 4...

Железная дверь открывалась неудобно, погрохотав в нее, надо было опять подняться на пару ступенек, чтобы тебя не прищемили.

В сочетании с маленькими зарешеченными окнами по обе стороны угла дома – в углублениях, обычно обрамляющих полуподвальные окошки, ненавязчиво просматривались странные, намертво спрессованные, компактные нагромождения строительных материалов – все эти

неудобства попадания внутрь распознавались как элементы укрепления. Войти в помещение было непросто. Выйти – мелькнуло у меня нехорошее подозрение и мгновенно трансформировалось в уверенность – тоже...

Все по Библии: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»...

Мы таки нашли... Но на мой настороженный взгляд, библейская трактовка, что есть хорошо, что – плохо, в данной ситуации странным образом теряла свою силу. Здесь больше подошли бы радостные излияния одного моего знакомого: «Мы не пойдем широкой дорогой правды, мы будем красться узкой, извилистой тропинкой лжи!»

Ну что же, будем красться...

Стрельнув глазами через левое плечо на липы (по Кастанеде, именно за левым плечом у человека стоит смерть), я только пробормотала про себя: «Оставь надежду, всяк сюда входящий...»

И шагнула на ступеньку...

Прогулки по краю

...ЕГО, своего индейца Никто, я вырвала из гнилого контекста местной околопатриотической тусовки мгновенно. Живописный парень с Че Геварой на футболке сразил меня хитросплетением радикальной логики: «Уборка мусора на пляже не имеет политической окраски и потому бессмысленна!» Вместо этого они приволокли однажды на коммунистический пикет на площади мертвую свиную голову и сожгли американский флаг. Это все, видимо, имело глубокий смысл.

– А вот этот мужик – точно только недавно в город приехал.

У меня, наверное, в этот момент был взгляд охотника. Саров – заповедник. И я всегда отличу дикого, а главное, ЖИВОГО зверя от никакого.

Евгений Александрович Лыгин, *неизвестный солдат Партии*. Именно национал-большевиком оказался почти единственный во всем городе человек, в которого захотелось нырнуть, как в омут. Он нес в себе отголосок каких-то больших страстей и событий, он оказался причастен к чему-то лютому, происходившему во внешнем мире.

От ЖИВОГО ощутило разило смертью...

Я-то знаю, я уже натренировалась это различать. Именно на краю жизнь вдруг начинает фонить неимоверно. На краю жизнь пробуждается ото сна – и вспыхивает по-настоящему ярко. По закону схождения крайностей в экстремальной ситуации вдруг оказывается, что они очень прочно переплелись, постоянно перетекая друг в друга. Жизнь и смерть. И потому, когда ты ходишь по самому краю, взглянув в глаза судьбе, ты уже не можешь сказать наверняка, перед чьим лицом стоишь: смерти или жизни...

От него однозначно веяло... прогулками по краю...

Хаос

Оказалось, именно он приволок тогда на пикет свиную башку. Для меня это было очень серьезное предупреждение. Как будто из-за знамен коммунизма выглянуло рыло сатанизма и решило, что его тут никто не заметит. Я заметила.

Абсолютная убежденность новообращенного в его глазах была бы хороша, если бы не распространялась на какие-то странные вещи.

– А тебе никогда не хотелось дать в морду какому-нибудь буржую?! – Женя, всегда исключительно спокойный, с очень большим пафосом произнес это тогда.

– Н-нет... – озадаченно проговорила я. «Дать в морду...» – это не цель. И это говорит боксер. Но меня не интересуют промежуточные полустанки...

Его идеология умещалась в одну фразу: «Разрушение существующей системы».

Я внимательно смотрела и ждала. Но он уже поставил точку. Я поняла, что попала не туда.

Он говорил на каком-то чужом языке. Его мифически-мистическое РАЗРУШЕНИЕ было для него всем. А для меня... Да ничем оно не было. Делом одного нажатия на кнопку. И Хиросиму, и 11 сентября мы уже наблюдали. РАЗРУШЕНИЕ – это не ЦЕЛЬ. Как насчет того, чтобы что-то... СТРОИТЬ?

– Ну-у... Чтобы строить новое, надо сначала разрушить старое! – нашелся он. А строить, видимо, будет кто-то... да никто уже не будет.

«Черт... И с этими дикими раскладами на руках он чувствует себя как рыба в воде. Он произносит: «разрушение как самоцель», и его при этом не коробит, не ломает. А это ведь сущность абсолютно сатанинская...» Меня от этого его РАЗРУШЕНИЯ очень быстро начало ломать...

Левый поворот у моего руля, видимо, заклинило прочно. Я аплодировала одному нашему местному коммунисту, с ходу предавшему меня анафеме: он-то меня, контру, срисовал мгновенно!.. А я не контра. Я хуже. Я православная...

Женя сыпал словами: «большевизм», «революция», а я слышала лишь: «хаос, хаос». Хаоса не хотелось. Более того: на периферии сознания поплыло подозрение, что возникновение хаоса лично я не должна допустить...

Передо мной сидел шикарный мужик. Ненавязчивая офицерская выправка, так же ненавязчиво сногшибательная улыбка. Этот человек мог привлечь к себе и обогреть десятки людей.

Но то, что он говорил, рушило весь эффект. Вдруг обостренно, с привкусом тоски, захотелось строгости, чистоты и порядка. Этот парень потянул меня в свою сторону – и меня мгновенно качнуло в другую. У меня болезненная страсть к порядку...

И вот теперь я слушала Женю – и все его слова сыпались мимо. Я точно знала: мне не сюда, я не отступлю, я выберусь к своим. Но пока мне – явно с какой-то целью – открывалась совсем другая дверь. Это была очередная «минная грядка», непаханое минное поле. Эх, как там можно развернуться! И я не преминула в эту дверь войти. Где-то за ней будет и нужная мне...

Мы убили в себе государство

Мой музыкальный проект «РЫСЬ» – ровесник 11 сентября 2001 года. Всего неделя прошла, как мы с моим «подельником» засели сочинять первую песню. А Америке уже пришел кирдык... В конце февраля мы вылезли на городское радио в неформатную передачу.

Я сама расписала ведущему, какие вопросы мне задавать. И очень подробно принялась рассказывать, что долгое время просто жила песнями Летова. Что впервые услышала их в октябре 93-го на баррикадах у Моссовета. Вообще не знала, кто автор. Просто парни пели тогда что-то очень яростное и злое. А мне в этом слышалась боль, невероятная боль за свою страну. Что немыслимые слова: «Мы убили в себе государство» – это и есть боль, замешанная на любви к Родине. И на невозможности этой любви...

После этого на пейджер передачи пришел вопрос, который ведущий озвучил с исключительно ехидной интонацией:

– Рысь, уж не патриотка ли ты?!

Я недоуменно пожала плечами: о чем, собственно, базар?

– Я патриотка.

Через ведущего пропустили ток.

– Ой, ну, там, наверное, имелся в виду какой-то иной подтекст...

А вот этого не надо. У меня профессия – работать со словами, я разбираюсь в их значениях и тайных смыслах. И белое вы никогда не заставите меня назвать черным. Я взвилась:

– А почему?! Почему у нас в этом слове вдруг появился «какой-то иной подтекст»?! Почему уважение к себе, к своему народу и к своей стране у нас вдруг стало преступлением?!

После этого пейджер уже не молчал. *«Как ты относишься к Баркашову?»* А как можно относиться к человеку, о котором знаешь только то, что ничего не знаешь?

– Я с ним не знакома, – ответила я тогда. А про себя подумала: *«А ведь в конкурсе на лучший заданный мне сегодня вопрос победил именно этот...»*

Я уже измучилась одна. Москва и тот октябрь 93-го напрочь разломали для меня матрицу окружающей действительности. Это просто плоская, дурно намалеванная декорация. А за ней – все очень гнило. Но как заговорить об этом с теми, кто рядом? Как объяснить человеку, что он живет в матрице, пока он сам этого не увидел? Но должны же где-то быть нормальные люди, у которых есть глаза и мозги и которые нутром чувствуют, какими путями ходить ПРАВИЛЬНО. И если сейчас мои слова оказались созвучны с чьими-то еще, значит... Значит, мне туда.

Я долго добиралась...

Романтики с большой дороги

Ладно, со мной кое-как разобрались. Выяснили, где ноги теряют свое гордое имя...

В родном Иванове Женя закончил технический институт. А до этого его выперли из военного училища. По зрению. Зря. Был бы правильный офицер, «отец солдатам». А так, несправедливо выброшенный на обочину и предоставленный сам себе, достойный, умный и сильный мужик нашел схожую «профессию, сопряженную с риском». Пошел по пути с естественной для него экстремальной военной спецификой. И реализовал подсознательное стремление к служению и, видимо, стремление отомстить за себя. Стал революционером. Не был бы таким правильным и честным – стал бы бандитом. Просто работать по специальности, электриком, его было бы тяжело заставить. Кто там сказал, что все, что делается, – к лучшему?

...«КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ» выдавали его с головой. *«А по твоей прозрачно-злой одежде струится теплая малиновая кровь. Последней умирает не надежда, последней умирает любовь!»* Каждая песня этой группы – квинтэссенция трагической революционной романтики, и если именно эти песни он больше всего любил... А между прочим, он уже мог себе позволить потряхнуть молодостью с ее неуспокоенностью и романтизмом – и «развлечься». По-взрослому развлечься, конкретно. С такой же основательностью, с какой он к тому времени успел построить свою жизнь. И теперь оставалось два пути: или жизнь благополучно завершится в 25 лет, или все только теперь начнется...

Холокост наоборот

– Да они делают все, чтобы их не регистрировали никогда! – бросив единственный взгляд в сторону НБП, вопил мой подельник, композитор и «продюсер», мой ненаглядный мелкий пакостный негодяй, мой личный Терминатор, волосатая контра, мое проклятие, «НАШЕ ВСЕ», моя единственная надежда и опора, малолетний алкоголик с трясущимися руками, токсикоман и вонючая гнида с напрочь выжженными мозгами... Но прежде всего – мое личное

проклятье. Только этого человека, прекрасного яростного музыканта, я смогла запрячь делать мой проект. И все было бы ничего, но...

В ответ на предложение помыться я получала от этого идейного бомжа полномасштабную священную войну. На полсуток он гарантированно впадал в истерику, с исключительным талантом оратора с ног на голову переворачивая все мыслимые понятия. Меня поражала правильность, которую этот гной строил из себя:

– Когда ты говоришь, что я воняю, ты сама воняешь гораздо сильнее меня!

Передо мной, брызжа слюной и оглушая децибелами визжащей циркулярной пилы, стоял гениальнейший оратор! *Твою мать... неужели ученым удалось клонировать ЕГО?* История уже знала одного такого же чудовищного демагога. Тот очень далеко пошел... Я смотрела на это безобразие и понимала: это судьба. Не знаю, как я это вынесу, как наступлю на горло себе, давя рвотный рефлекс... но я не имею никакого права отпускать этого человека от себя.

Умру – но это стенобитное орудие, этот мелкий пакостный вонючий «гитлер»... БУДЕТ РАБОТАТЬ НА МЕНЯ!!!

...Я знаю, как выглядит «холокост наоборот». Я чувствовала себя тоненьким растерзанным подростком-скином, которого добивают ногами здоровенные бомжары. Он действительно жил в каком-то своем мире, где нечеловеческая грязь была единственным возможным образом жизни. Я в этой системе координат, естественно, оказалась монстром с другой планеты...

Я разговоров-то долгих не выношу, а здесь – его несмолкающий, оглушительный крик. У меня плавилась мозги. Не знаю, на что он рассчитывал. Но он упрямо продолжал доводить меня до того блаженного состояния, когда во мне переключается невидимый тумблер. И я превращаюсь в машину, не реагирующую на окрики и боль... Несколько раз я его чуть не убила. Но... мне нужен мой проект.

Я... Я кидала его ежесекундно, я его предавала, я с верхом отмеряла ему унижений за каждый звук поднятого на меня голоса. Не ему меня судить. Или я остервенело держу себя в состоянии сжатого кулака – или я рассыплюсь. А он умышленно планомерно меня разрушал.

Во мне не осталось ничего человеческого?.. Но это же прекрасно. «Человеческое, слишком человеческое» в устах классика для меня всегда звучало как *слабое, недостойное...* Я наслаждалась каждым мгновением своей *правильной, выверенной* жизни, чувствуя себя *скальпелем*. Меня не интересовала та якобы «жизнь», которая не находит в себе места для таких понятий, как *безжалостность* и *безупречность...*

Можно я отстрелю себе пальцы?

Так безошибочна белая кость под твою безупречность...

Бархатный терроризм

А в остальном вопил он все верно: «Да они делают все, чтобы их не регистрировали никогда!» НБП яростно и безуспешно добивалась регистрации. И при этом всем своим существованием шла строго наперерез «официальной доктрине», партия требовала признать ее, становясь не послушнее, а все неудобоваримее и злее. От такой установки всерьез разило зоной, почти мистическим страхом хоть в чем-то проявить слабость. Уступи один раз, «отдай палец» – и все, ты пропал, ты себя потеряешь, тебя «намотает на ось» целиком. Пойдя по пути официального признания, партия действительно потеряла бы себя. Так что во всех ее алогичных действиях был свой, очень большой, резон. Или все будет так, как хотят они, – или никак...

«Бархатный терроризм» – вот чем были их действия. Много шума, большой резонанс, но боже упаси от жертв. Майонез на пиджак – это не больно, зато какой удар по имиджу! А главное, как легко, оказывается, швырнуть в него этот майонез. Все это показывало и народу,

и власти, что власть – такие же смертные и уязвимые люди, а значит, власти надо почтительнее обращаться с простыми смертными. Ведь это только пока вместо бомбы в не угодившего народу политика полетел всего лишь майонез...

Сводки с фронтов

Вот чем жила партия, когда я начала с ней знакомиться.

Это было во всех новостях. Полтора десятка нацболов захватили поезд.

14 сентября 2003 года группой национал-большевиков был осуществлен мирный захват вагона № 2 в поезде Москва – Калининград на белорусско-литовской границе. 16 нацболов забаррикадировались, а затем приковались в вагоне и потребовали от литовских властей отмены визового режима для граждан России при транзитном проезде в Калининград через Литву. «Из России в Россию едем – визы нам не нужны!» Национал-большевики демонстративно порвали литовские визы и распространили обращение к гражданам России: «Акция направлена на то, чтобы привлечь внимание российской и литовской общественности к данной проблеме и добиться для граждан России права безвизового проезда в Калининград и область через Литву. Если не остановить этот беспредел, в будущем россиянам для проезда в Калининград через Литву будут необходимы уже не облегченные, а самые настоящие визы».

Нацболов осудили на 40 суток. Статья «Нарушение общественного порядка» предусматривает наказание от денежного штрафа до двух лет лишения свободы...

В сентябре 2003 года партия жила воспоминаниями о прошлогоднем «Антикапитализме». В середине сентября 2002 года в Москве прошло мощное шествие, завершившееся свалкой... Хотя – именно шествие тогда в последний момент запретили. Толпу демонстрантов попытались удержать на одном месте.

Массу народа на площади Маяковского оцепили металлическими заграждениями. Когда в этом столпотворении взорвалась шумовая граната, площадь пришла в движение, самые активные, не желая оставаться в загоне, пошли на прорыв оцепления. После того как часть демонстрантов прорвалась на Садовое кольцо, на площади воцарился полный ментовской беспредел. Винтили всех подряд, не разбираясь... Два участника прорыва, Алексей Голубович и Евгений Николаев, были осуждены на три года – вроде как за драку с милицией. Есть шикарные фотографии с «Антикапитализма-2002», есть видеозапись. Это действительно побоище. Только били не милиционеров, а подростков...

24 сентября 2003-го виднейший деятель партии Владимир Абель-Линдерман исчез в Москве. У себя в Латвии он уже почти год как был объявлен в международный розыск. Формальным поводом послужило якобы обнаружение тайника на окраине Риги, из которого было извлечено около пяти килограммов тротила и упаковка листовок... И вот в сентябре 2003-го в Москве он, как всегда, вышел из Бункера купить свежих газет. Больше его никто не видел. Товарищи искали его по больницам, по моргам. Через неделю стало известно: Абель похищен и тайно содержится в СИЗО ФСБ «Лефортово». Его намеревались выдать Латвии. Выпустили через две недели...

26 сентября 2003 года суд в Белгороде признал секретаря белгородского отделения Национал-большевистской партии Анну Петренко, кандидата социологических наук, преподавателя Белгородского университета потребительской кооперации, виновной в совершении преступления по статье 213 части 3 УК РФ «хулиганство», совершенного с применением предмета, используемого в качестве оружия. Суд приговорил Петренко к трем годам лишения свободы

с отбыванием срока в колонии общего режима. Решение о судьбе больного семилетнего сына Анны должен был принять отдел по защите прав несовершеннолетних.

Анну Петренко обвиняли в том, что в ночь с 18 на 19 мая 2003 года она подложила муляж взрывного устройства на ступеньки администрации Белгородской области. Муляж представлял собой коробку из-под торта с будильником и фотографией губернатора внутри. Суд не учел, что статья, по которой обвинили Анну, предполагает действительное использование предмета в качестве оружия. Коробка под это определение не попадает. По мнению суда, муляж взрывного устройства был подложен с целью заявить о НБП. При этом на коробку были приклеены буквы НРА, а на портрете губернатора написано «Жириновский – наш губернатор!» Об НБП – ни слова. Но женщину, что-то имевшую против губернатора, все равно посадили...

На 7 ноября мы съездили в Нижний на демонстрацию. Нижегородский руководитель Дмитрий Елькин на шествие не попал. Какие-то люди просто не выпустили его из подъезда, продержали часа два. И отпустили, только когда им сообщили: «Они уже пошли...» Они – это колонна демонстрантов.

Илья Шамазов говорил мне тогда:

– Мы единственные по-настоящему боремся за улучшение социального положения, за сохранение наших границ и за русских людей, оказавшихся на территории чужих государств. Больше ведь за них не заступается никто. Вообще никто...

Да, это – да. У нас же никто даже голоса не подаст. А они – кричали...

Фронт – там

Во всей новой информации и впечатлениях, посыпавшихся на меня, абсолютно ясно мне было только одно. Эти люди поджигали себя заживо, а значит... БЫЛИ ЖИВЫ. Где-то там, на своих собственных костях они чертили линию фронта, а значит, именно на этой линии юркой маркитанткой крутилась и жизнь. Я не была жива. И мне надо было обязательно пробиться к этой жизни...

Я шла по наитию, мне просто надо было вцепиться жизни в загривок, поймать волну, вдохнуть жизнь с воздухом, впитывать кожей. Сдирая кожу, запускать сразу в кровь. Мне надо. Просто быть там. Без задней мысли, без надежд, без сомнений, без задания, без цели. Рядовым, пешкой, муравьем, последним из последних. Никаких вопросов, никаких ответов. Просто кануть в этот котел то ли с живой, то ли с мертвой водой – и в нем вариться... Я могу что-то сделать для себя?

Самоуважение можно вернуть за час. Почувствовать легкое подобие вкуса к жизни – за день.

За неделю можно унести прочь от земли.

Именно такими темпами я рвалась обратно в жизнь, наугад распахнув новую дверь, из которой на меня хлынули и солнце, и ливень, и ветер... Очень часто себя надо начать по-настоящему убивать, чтобы наконец-то ожить. *Убитая* всего три месяца назад, я теперь таскала железо как проклятая, я превратилась в очень тренированный скелет. Энергию я черпала уже буквально из воздуха. Ее там много... Нервы оголены, все – сразу в кровь, невероятная новизна и свежесть. Я разгоняла себя до космических скоростей, как серфингист поймав гребень новой волны.

Милый и абсолютно стальной нацбол Женя со своими ясными очами, дикими идеями и «Красными звездами», орущими у него в общаге, которыми – всеми перечисленными! – я упивалась до одури, вздохнул, совершили невозможное. Я снова начала писать песни. Бешеная энергетика смертельной романтики, полет над пропастью, вся жизнь – во имя смерти, жгучая

ярость баррикадной любви... Я выплескивала песни про эту открывшуюся мне чистейшую тоску и ярость. Для песен это самая лучшая тема. Не пуская ничего в себя, я упивалась новой эстетикой головокружительной тоски, в голове крутились строчки: «Мы сквозь такие мчались беды, что отрывались от земли».

– Не знаю, по-моему, никакой тоски, все нормально... – недоверчиво блестел на меня очками Женя. И от него отделялась такая плотная волна нового подтверждения того, что мир висит на волоске и все закончится неминуемой скорой трагедией, что хотелось тоненько завывать...

Всего через два месяца после нашего знакомства Женя совершил, как утверждали, единственный в практике города поступок. Молодой специалист, попавший по распределению в Федеральный ядерный центр и обеспечивший себе безбедную жизнь, уволился на фиг из благополучного Сарова и свалил в никуда. Заниматься экстремизмом... «Первый Ангел вострубил» уже тогда. Мороз по коже побежал от таких поступков: **«Кто-то думал, что просто живет, там, где ты искал смерти...»**

– Евгений... – В этот самый момент я и оседлала тигра. – Я тоже хочу в Москву... На революцию приглашения не требуется.

Глава 3

Партия «политических»

Все заслуги перед партией аннулируются в полночь!

«Братцы, черви...»

– Оставь надежду, всяк сюда входящий... – стрельнула я взглядом через плечо на чудесную липовую аллею 2-й Фрунзенской.

И шагнула на ступеньку офиса номер 4 дома номер 7...

...Большая, некогда выбеленная, обшарпанная приемная с черным вытертым полом. Любимое пристанище морозных уличных сквозняков. Совершенно нежилой офис в худшем его смысле. Транзит, ничего человеческого, безостановочный конвейер, гонящий через себя десятки людей. Перекачивающий их заклинившим в положении «открыто» шлюзом, стремительно перемалывающий их в боевые отряды. Не обжитый, а как-то прямо-таки разоренный шинелями, винтовками, вещмешками, сапогами военкомат, откуда эшелоны гонят сразу на войну...

Отсюда в недели перед выборами в Госдуму в ноябре 2003 года отправлялись бригады распространителей агитационной литературы и расклейщиков запрещенных листовок «Гражданин, не ходи на выборы!» со стопками «вещдоков» и бутылками с клеем. Расклейщики кавалерийскими наскоками налетали на пустые утренние вагоны, на стены домов, чтобы стремительно наклеить листовку и смыться.

А табор распространителей основательно выгружался со всем скарбом на платформе метро, чтобы потом распределиться по району. Горячими степными ветрами мимо проносились завывающие составы, обдавая грохотом и жаром большое стойбище племени диких кочевников. Людей, еды, воды, жилья, дорог, самих себя и солнечного света эти лютые бродяги не видели уже лет сорок. Или четыреста. Они стояли здесь вечно...

На стене в приемной висел здоровый плакат: Фантомас с револьвером. Женя рассеянно остановился под плакатом. Я попросила его больше так не делать. Одно лицо...

Душа Бункера была не там. Узкий коридор расширился и отвоевывал у «горной породы» подземелья дома, населенного – как привидениями! – пенсионерами КГБ, немного пространства. Как раз хватило для стола и двух длинных лавок за деревянной «барной» стойкой-загородкой. Нелюдимая официозность белой штукатурки сменилась темным, аутентичнейшим, нащептывающим о винных погребках в королевских замках, буро-красным кирпичом. Небольшая стена, но она была «кирпичная» донельзя. Как еще передать это чувство? На стене черной краской было начертано: «ВСЕ ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ПАРТИЕЙ АННУЛИРУЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ!» Венец творенья... Дальше в углу за дверью приглушенно и упорно грохотала вода.

Повернув за угол, я каждый раз пугалась: из конца коридора на меня шла спрессованная в плоть черная тень. Особенно неприятно было, когда при почти выключенном ночном свете перемещался лишь силуэт. Фу-ты, всего лишь зеркало.

Налево – коридор с трубами под потолком, здоровый белый зал собраний и анфилада из двух захламленных комнат с кучей посадочных мест. Комнаты вроде как лучшие здесь. Но там точноно воняло как-то прямо даже бомжово, и хоть о чем-нибудь здесь, к чему подошло бы определение «лучший», говорить не приходилось.

«Сто первой» большая «людская» для рядовых была названа с каким-то глубоким смыслом и вроде бы с отсылкой к Кафке, но я красоты замысла оценить не смогла. Петли этой рас-

куроченной железной двери справа от зеркала скрипели чудовищно, правда недолго. Столовая ложка растительного масла – и вот оно, звериное наслаждение передвигаться бесшумно.

Бесшумность – закон приличия, когда все вокруг спят, разве что сняв и разбросав по полу ботинки, и в полной темноте, пахнущей подвалом, светятся лишь раскуроченные дыры в двери. Их даже сложно сосчитать, этих всех. Слева на узком топчане у окна неизменно спит «пожилой» усатый Миша Соков. Справа – Эдуард Сырников, роскошно-патлатая человеческая глыба бесповоротно за тридцать со скульптурно-неотразимым неуловимо азиатским лицом, горящими глазами, непомерным для азиата ростом – и крайне сомнительным прошлым, настоящим и будущим. Дальше – Шмель (Шмуть, Шмаль) в полосатом коричнево-желтом свитере, 18-летний пацан невесты откуда, на зиму съехавший в Бутырку за неудачный поход в разоряемый нацболами магазин «Крокус». «За чекушку коньяка на три месяца зэка!» Манжос, Громов куда-то бесследно испарились (верный признак готовящейся акции), и я могу тихонько скользнуть хоть на одну широкую тахту посреди комнаты, хоть на другую. Скользнуть – и затихнуть. Все, в домике... Сама удивляюсь, что я так легко растворилась в подвале без осадка брезгливости. Надо стереть себя до нуля, чтобы сливаться с такой средой... В «сто первой» еще жил неприхотливый смирный гроб (коммуно-сатанизм в действии?), но потом куда-то свалил. Или я просто перестала его замечать?.. Утром непонятно из каких пятых углов квадратной комнаты материализуются еще люди, еще и еще. Бункер был бездонным, где там на ночь растворяются десятки людей, я так никогда и не пойму...

Только что вышедший из тюрьмы НБ-герой приехал в родной Бункер – и устроил руководителям разнос. За ту милую сердцу, теплую, свалившуюся, уютную грязь, которой Бункер, живое существо, трогательно, наивно, но очень давно обживал себя. Укутывал, как мышка кусочками бумажки. Уже горой бумажек... Буквально – сплошняком заклеивал себя изнутри «Лимонкой»! Капля за каплей, пылинка за пылинкой добавляя себе хоть какой-то человеческости за невозможностью нормального человеческого уюта... Это будет не последний раз, когда я увижу, как только что откинувшийся зэк начинает истово наводить порядок. По сравнению с зоной здесь все неправильно...

На волне всеобщей повальной зачистки я подняла в грохочущем водой туалете монументально утвердившуюся там древнюю мокрую тряпку. Под тряпкой шевелились черви...

Мой фюрер

– Простите... а вас как зовут?..

Это была удачная шутка. Человека, сидящего на столе в приемной Бункера НБП, аж перевернуло. Только что, сканируя взглядом, он внимательно допросил на входе новоприбывших регионалов: кто, откуда. И уже было потерял к нам интерес, когда я подала голос. Человека слегка передернуло, не иначе, его имя было слишком известно, чтобы произносить его вслух. Он бросил как-то странно, в сторону, не глядя на меня:

– Анатолий Сергеевич Тишин.

Ну, вы поняли... Для Штирлица это было полным провалом.

С таким же успехом можно было в Коричневом доме уставиться в колючие глазки Мюллера-гестапо: «Тебе чего, дядя?» И услышать приговор: «Следуйте за мной... товарищ Исаев...»

Но мое не замутиненное знаниями сознание прочно опиралось на тренированные мышцы каменно-учтивого лица, что лично мне позволяло сохранять хорошую мину при плохой игре. А у окружающих, наверное, рождало впечатление, что то, куда я села, – это и не лужа вовсе... И кое-как этот Большой Человек мой вопрос пережил...

Это был, слава богу, ЖИВОЙ человек. Ничто не делало его похожим на самого международного предводителя профессиональных мертвецов, ставшего мегапопулярным после 11 сентября. Ни длинная черная борода, ни истонченное лицо стойка и горного отшельника, ни потусторонний испепеляющий взгляд. Именно сердитый взгляд был наш, посюсторонний. Его обладатель пока еще нигде отрешенно не витал. Этого человека лет сорока (?) все еще всерьез доставали его земные проблемы.

Нет, было видно, что прорваться наружу своему раздражению он не позволит. Но он также ничем не мог уже скрыть тот факт, что внутри у него от всей этой х...ой жизни царит уже просто полномасштабная изжога. Глубокая вертикальная морщина между сведенными бровями и очень жестко прорезанные носогубные складки – от этого он не избавится уже никогда. Так и хотелось ему сказать: ну зачем ты так, брось, плюнь, забей, пожалей себя, ну не ешь ты больше лимонов...

В крайней степени задумчивости он нехотя отделился от стола и побрел в угол, в маленькую каморку. Именно побрел. Как-то кривовато, согнувшись и желчно морщась всем своим подвижным лицом от этой своей «изжоги». Да что там, морщась всем своим поджарым существом... Побрел нога за ногу, медленно переставляя громоздкие зимние сапоги. Они-то вот точно казались на нем какими-то лишними, веригами цеплялись к ногам и мешали. Ему было бы куда логичнее и легче демоном нестись, не касаясь земли, со свистом рассекая воздух блистательно развернутыми плечами. Нечто, плотным слоем окружавшее его, его искрящаяся энергетика, эта почти материальная в его случае субстанция, почти вслух кричала об этом...

Но, видимо, вся его жизнь сейчас была сродни подвалу, в котором протекала. Не полетаешь. Необходимость сидеть неподвижно в своей конуре за какой-то бумажно-компьютерной работой его явно смертельно тяготила... Точно, он и побрел-то как привязанный волкодав, с отвращением волоча за собой невидимую тяжеленную цепь...

И если черная борода только подчеркивала беспредельный аристократизм бледного, мертвенно-белого лица, то черный свитер навывпуск – это было совсем не то, что надо было носить на этой стремительной, жесткой, но сейчас вдруг почему-то согнувшейся, поддавшейся фигуре...

«На поверхности» он преображался, в своем плотном монументальном пальто он был похож то ли на памятник Дзержинскому, то ли – самому себе. Это был Очень Большой Человек. Пока Лимонов был в «санатории», в лавке оставался именно он...

Я зову Тишина «мой фюрер».

Всадники Апокалипсиса

Прямо мизансцена: один, самый главный, отошел – и на первый план выступили другие...

«У-у-у, как здесь все запущено...» – не подумала, а прямо-таки со всей полнотой ощутила я. Надежд на то, что все в этой жизни еще может измениться в лучшую сторону, открывшийся пейзаж уже не оставлял. Но зрелище было хорошо тем, что сразу же давало полный расклад относительно того, куда же я все-таки попала...

У стола сгрудились несколько черных туч. В глаза бросилась общая дремучесть этой группы мужиков – и какая-то катастрофическая взрослость. Здесь все было как-то уж слишком по-взрослому. Это когда *лучшие уже не станут*. Они были очень похожи. На предыдущего – и друг на друга. Без вариантов. Всадники Апокалипсиса: Брань, Глад, Мор и Смерть. «...и *ad следовал за ним...*»

Это не была униформа. Это был образ жизни. Джинсы, какие-то одинаковые, военные, кажется, свитера с накладками из ткани на плечах, что-то еще, такое же поношенное... Одежда

– прослойка между людьми и этим подвалом, и все три составляющих давно уже пришли к общему знаменателю. К знаменателю подвала.

Высокие, худые мужики. Почему-то общее отсутствие выправки – и сразу какая-то запущенность. Что-то в их жизни одинаково – сильно – на них на всех давит, заставляя спины сгибаться. Вид не просто одичавший. Вид замшелый. Казалось, на поверхность из этого подвала, куда едва проникал тусклый зимний свет, они не выбирались уже много лет. Все они уже давно и прочно обитают здесь вот, в подвале, срослись с этим подвалом и подвальным же образом жизни. «Жизнь наложила отпечаток...» Да жизнь под этим отпечатком их уже полностью погребла!..

«Мой» немного не офицер Евгений Александрович со своей выправкой на этом фоне выглядел просто неприлично блестяще.

О, моя информационная незамутненность... Любой из них, никак не идентифицированных мной, мог произнести: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться...» Теми людьми в приемной Бункера были Роман Попков, Скрипка, Эдуард Сырников и Абель. Уже можно начинать скандировать: «Слава партии!»...

Первый ангел

Нет, дремучесть в той группе у стола исходила явно не от него.

– Н-да... Все вместе мы вообще ни на кого не похожи... – с сомнением блеснет чуть позже очками блистательный Роман, выволокши однажды сразу всех «бункерских бомжей» на божий свет и пытаюсь пристроить их к революционной борьбе.

Меловая бледность, черные, регулярно сбриваемые волосы, очень высокий рост, невыносимая худоба. По-скиновски закатанные камуфляжные штаны не доставали до края высоких ботинок, и было страшно смотреть, как зимой он с выглядывающей из-под штанин полоской голых ног выходит на мороз. Острой и колючей была каждая его грань, а он весь состоял из граней. Блестя очками как цейсовской оптикой, он в своем черном бомбере нависал над человеком неумолимым знаком вопроса: «А что ты сделал во имя партии?!» Коброй нависал, уже начавшей чуть расправлять капюшон... И это был отнюдь не риторический вопрос.

Все, что делало его Романом Попковым, было сосредоточено в его голосе и в его взгляде.

Слишком часто начинало казаться, что страшнее этого голоса нет ничего. Когда именно он среди ночи взрывал обморочный сон: «ПОДНИМАЙТЕСЬ...» Поднявшись, я понимала, что опять не запомнила дословно каждый раз произносимый Романом Попковым текст: «ТОВАРИЩИ НАЦИОНАЛБОЛЬШЕВИКИ! Поднимайтесь клеить листовки...» В оглушенной памяти оставался только ГОЛОС. *«...и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, первый и последний; То, что видишь, напиши в книгу...»*

Я и не знала, что взгляд смерти иногда может быть даже меланхоличным. Наверное, это была уже пресытившаяся смерть... Недавно пообедавший удав. Или просто прицеливающийся. На что вообще нельзя вестись, так это на его кажущееся спокойствие. Никому ничего хорошего оно еще не принесло. Взгляд преображается мгновенно, и этим взглядом сквозь очки он любого пригвоздит к полу – и пошлет на смерть. Чтобы выдержать мощь Романа, надо было самому быть таким же. А это сложно...

Во всем его жестком, отточенном – и в то же время диссонирующем с этими определениями – облике сквозила неумолимость. Как и в его действиях. Все делалось стремительно и сильно. Своим присутствием он накрывал все вокруг как плащом. И всех, кто попал в поле действия этого плаща, рыболовного невода, сносило следом. Очень редко выдавался момент, чтобы Роман тайфуном прошелся по Бункеру – и никто никуда, ни на какой огневой рубеж

не был брошен... *«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...»*

Большого Человека чувствуешь сразу. Вокруг него, вместе с ним движется НЕЧТО, что заставляет тебя почтительно отступать в сторону. Метров на пять... Вокруг московского гаулейтера это НЕЧТО клубилось, создавая завихрения, и явственно слышались громовые раскаты. Ему приходилось ежедневно, без просветов, ворочать большой массой людей, проблем и событий. Ладно бы это были дела праведные...

Не-ет. Каждый раз, открывая железную входную дверь, надо было проламываться сквозь глыбу льда реальной опасности, заведомой стопроцентной палёности всех твоих действий. *«А ну-ка, парень, подними повыше ворот, подними повыше ворот и держись...»* И действительно, сразу именно этот жест: воротник – повыше вверх, голову – поглубже в плечи. Позвоночник сжимался как гармошка. Распрямить его теперь могло только вдруг свалившееся с неба сознание своей полной безоговорочной правоты и легальности... Не в этой жизни.

Из Бункера выходили с желанием проскочить под нависшим дамокловым мечом. Каждый раз выходили как на бой. Тело с живущим в нем воспоминанием, что когда-то оно было ящером, начинало жить своей жизнью, наносные человеческие представления о прямохождении сменялись каким-то звериным инстинктом. Я себя не узнавала. Мозги были заняты опасностью, грозящей со всех сторон. И неподконтрольное тело вдруг начало действовать само. Больше ничто не мешало ему вспомнить, кто оно...

Помните, что делает взгляд волка «волчьим»? Вперед и вниз, параллельно земле, опущенная голова. Прямой взгляд тогда получается исподлобья, в упор. Он просто нацеливается на объект, как впечатанный в лоб ствол пистолета. Следуя логике этого взгляда, к земле пригибаются шея, плечи... Так и идешь. С нацеленным вперед взглядом-стволом. Сканирующим взглядом-стволом. К людям так не ходят...

Тело перетекало, тело скользило разлитой ртутью, начинающей вдруг гибкими каплями сжиматься в одно озерцо. Когда идешь так, не обязательно касаться земли на каждом шаге... Я помню, как, идя по Бункеру, я вдруг поняла, что стала ртутью.

Больше ничто не мешало упор перенести на взгляд.

Насторожиться, сгруппироваться, припасть к земле, превратиться в комок нервов и жил и основной упор перенести на взгляд, готовый в любой момент спружинить и отбросить тело в сторону. Мне сразу стал понятен секрет многих попадающих здесь пылающих глаз. Когда грубая реальность начинает нуждаться в постоянном неусыпном контроле, ты как таковой, как полновесное, вальяжно расхаживающее по улице физическое тело, – ты перестаешь существовать. Ты весь превращаешься во взгляд...

Плечи тянет к земле нестерпимо. Лучшее впечатление, которое ты можешь теперь производить, – это вообще не производить никакого впечатления. Раствориться. Сжаться в точку. Слиться с асфальтом. Упрямо уткнуться лицом куда-то в собственные ботинки, и не дай бог поднять голову, чтобы привлечь беду прямым, горящим, впечатанным в нее взглядом.

Ты просто стираешь себя и весь превращаешься в напряженный, внимательный, скользящий, прожигающий все на метр – и ускользящий взгляд. Как эхолокатором ты ощупываешь им окружающую тебя действительность. Рыщущая плеть. Но зато теперь вот в таком – очень нехорошем – шарящем взгляде, идущем откуда-то снизу, исподлобья, мне сразу слышится такая масса всего, до боли родного! И с его обладателем мне все навсегда становится ясно... Я смогла опять выпрямить спину и взглянуть миру в лицо только через несколько месяцев, когда оттаяла мозгами и подзабыла всю эту романтику... А потом уже – ходила «под пулями», не пригибаясь. Ничто так не выматывает душу, как постоянная опасность, и если именно так ее закалять...

Я теперь имею совершенно особое мнение на предмет того, что такое политическая воля. Я видела тех, кому эту волю приходится исполнять... Как это, наверное, облагораживает: наблюдать приложение этой воли со стороны. А не ощущать на себе.

Гораздо позже перед президентскими выборами тоненький депутат Рыжков говорил по телевизору, что оппозиции пора уже ввязываться в драку и накачивать политические мускулы. Какая прелесть! Я вспоминала нас. Как нас брали среди ночи и выбрасывали на мороз, поднимали и отправляли «на драку». Вчерашние подростки – это и были «политические мускулы оппозиции»...

Не вопрос, любые мускулы можно прокачать. Спроси меня. Я знаю как... А лучше – спроси у Романа. Я сразу же поняла: когда мне приспичит побывать в лагере подготовки экстремистов, я буду искать его где-нибудь в... А чего я там не видела, зачем мне его искать? Потому что здесь я попала сразу же на базу действующих революционеров!

«Мне стало понятно, что России нужна радикальная современная национальная партия. Основывающаяся не на дебильном дремучем отвращении к «жидам» и иностранцам, замешенном на зависти к ним же. Основывающаяся не на этнических эмоциях, визгах дремучих людей. Основывающаяся не на несостоятельном и несовременном мировоззрении православия. Но основывающаяся на понятиях: национальные интересы, а также широко понимающая нацию как добровольное мощное содружество индивидуумов, ощущающих свою безусловную принадлежность к русской цивилизации, русскому языку, русской истории и русской государственности. Готовых пролить свою и чужую кровь ради этих ценностей. Такая партия должна быть молодой и поэтому молодежной, у такой партии должны быть свои святыне, свои ритуалы». Эдуард Лимонов. «Моя политическая биография».

Смешное слово

– Нацболы... – бросил однажды Роман в сердцах. – «Фашистов» здесь – одна тысячная часть, остальные – анархисты!

Я только усмехнулась. «Фашисты» – одно из самых смешно звучащих в наше время слов. Настолько оно неактуально.

Читаем, сделав запрос в Интернете:

«Отрицание демократии и прав человека; насаждение режима, основанного на принципах тоталитарно-корпоративной государственности, однопартийности и вождизма; утверждение насилия и террора в целях подавления политического противника и любых форм инакомыслия...»

«Политическое течение, выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных сил империалистической буржуазии. Террористическая диктатура самых реакционных сил монополистического капитала, осуществляемая с целью сохранения капиталистического строя. Важнейшие отличительные черты Ф. – применение крайних форм насилия для подавления рабочего класса и всех трудящихся, воинствующий антикоммунизм, шовинизм, расизм, широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономики, максимальный контроль над всеми проявлениями общественной и личной жизни граждан...»

По всему получается, явление именно под этим названием может быть любимой игрушкой государства, но не его граждан. Как я люблю, когда люди начинают бросаться словами, значения которых не знают. В ответ они получают набор слов, к примеру приведенных выше...

«В противоположность фашизму национал-социализм главной своей задачей ставит построение национального государства на принципах социальной справедливости в интересах всей нации. Национализм не дает никаким классам общества привилегированного положения.

И поэтому не устраивает «новых русских». Сегодня главная тактическая задача «новых русских» – оседлать национальный подъем в стране и направить его по пути фашизма. Для этого в умах людей настойчиво смешиваются два несовместимых понятия: национализм (любовь к своей нации, своей Родине) и фашизм, при котором интересы кучки финансовых олигархов ставятся выше интересов нации. Это делается для того, чтобы окончательно запутать людей и под прикрытием псевдонационалистических лозунгов в очередной раз обмануть народ, установив в стране фашистскую диктатуру, закрепить положение России как сырьевого придатка Запада, как это предусмотрено архитекторами «нового мирового порядка»...»

«Националист – это человек (здесь бы я уже поставила точку... – *Е. Р.*), четко осознающий интересы своей нации, ставящий все свои лучшие качества на службу этим интересам и для которого эти интересы превыше всего. Только национальная идеология ставит во главу угла интересы исторически, естественно сложившейся общности людей – Нации. Националист не стремится унижить другие народы (такой человек называется шовинистом), а лишь желает блага для своего народа, своей нации...»

По всему получалось, что выступления против национализма – выступления против народа.

А всякая там «фашистская» эстетика – романтизм, элитаризм – это просто игрушки, а не фашизм. Фашизм приходит сверху, от денежных мешков.

– Когда услышишь, что начались репрессии по отношению к людям, борющимся за социальные права, – наставляла я прихвостня, – можешь заикнуться о фашизме...

Потом я слышала, как нацболов с их социальной борьбой клеймили «фашистами». У меня начиналось какое-то нервное веселье...

Тебя пока еще не режут...

Мне пришлось долго убеждать своего прихвостня, что мое новое увлечение – нацболы – не являются фашистами. В смысле, не преследуют и не убивают людей по национальному признаку и позиционируют себя как самых что ни на есть прожженных неформалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.